

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2026. Т. 10, № 3. С. 720–757.

Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 10, no. 3 (2026): 720–57.

Научная статья

УДК 93/94

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-3-2>

<https://elibrary.ru/fuzdte>

Государство и православное духовенство на выборах в IV Государственную думу Российской империи

Андрей Николаевич Егоров

Череповецкий государственный университет,

Череповец, Россия,

anegorov65@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1196-3748>

Andrei N. Egorov

Cherepovets State University,

Cherepovets, Russia,

anegorov65@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1196-3748>

Аннотация. В статье рассматривается роль Православной церкви на выборах в IV Государственную думу. В условиях размывания социальной опоры существующего строя правительство стремилось использовать духовенство с целью получить нужный состав депутатов. В то же время у Церкви были свои основания идти на выборы и играть существенную роль в будущей Думе. Духовенство не скрывало своего недовольства Указом о веротерпимости от 17 апреля 1905 г., по которому все конфессии получили значительную свободу деятельности, но Православная церковь осталась в прежней зависимости от государства. Духовенство хотело расширения автономии, большей самостоятельности при сохранении привилегированного положения, восстановления патриаршества, преобразований в церковной жизни. Показаны причины недовольства священников политикой III Думы (решением о передаче церковно-приходских школ государству, проектами расширения прав старообрядцев и проч.), что стимулировало их участие в избирательной кампании. Раскрыта роль обер-прокурора В.К. Саблера и Святейшего Синода в организации выборов. Отмечается двойственное отношение правительства к участию Церкви в выборах: с одной стороны, стремление использовать духовенство как политический ресурс, с другой – попытки ограничить самостоятельную роль Церкви (соответствующие указания губернаторам, выделение священников в особые предварительные съезды настоятелей церквей в рамках землевладельческой курии и проч.), особенно учитывая имевшиеся с ней расхождения. Предвыборные манипуляции властей вызвали недовольство значительного числа священников, понимавших, что власть их

© Егоров А.Н., 2026

© Egorov A., 2026

использует как бесправных статистов, не проводя при этом кардинальных церковных реформ. При этом речь идет не только о прогрессивно настроенных священниках, но и о консерваторах, отрицавших явно наметившийся после Указа о веротерпимости от 17 апреля 1905 г. курс на расширение религиозных свобод. Делается вывод о том, что выборы в IV Государственную думу привели к нарастанию отчуждения Церкви от власти.

Ключевые слова: Православная церковь, Святейший Синод, Совет министров Российской империи, Союз русского народа, избирательные кампании, Государственная дума

Для цитирования: Егоров А.Н. Государство и Православное духовенство на выборах в IV Государственную думу Российской империи // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2026. Т. 10, № 3. С. 720–757, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-3-2>; EDN: FUZDTE

The State and the Orthodox Clergy in the Election to the Fourth State Duma of the Russian Empire

Abstract. The article studies the role of the Orthodox Church in the elections to the Fourth State Duma. In the conditions when the social foundation of the existing system was losing its stability, the government sought to use the clergy's power to get the necessary composition of deputies. At the same time, the Church had its own reasons to participate in the elections and play a significant role in the future Duma. The clergy did not hide their dissatisfaction with the Decree on Religious Tolerance dated April 17, 1905, according to which all confessions were given considerable freedom of activity, but the Orthodox Church remained in its former dependence on the state. The clergy wanted greater autonomy while taking a privileged position; they were striving for the restoration of patriarchy and for the changes in church life. The article provides the reasons for dissatisfaction of the clergy with the policy of the Third Duma (decision to transfer parochial schools to the state ownership, projects to expand the rights of Old Believers, etc.), which stimulated their participation in the election campaign. The article studies the contribution of Chief Procurator V. Sabler and the Holy Synod to the election campaign. It is noted that the government's attitude to the Church's participation in elections was ambivalent: on the one hand, the government used the clergy as a political resource; on the other hand, given the existing contradictions, it limited the independence of the Church (instructions to the governors, the grouping of priests into special preliminary congresses of church leaders within the landowning curia, etc.). A lot of priests were displeased with the pre-election manipulations of the authorities. They understood that the government used them as powerless extras without conducting any significant church reforms. Not only progressive-minded priests but also conservatives did not accept the policy of expanding religious freedoms that was clearly outlined after the adoption of the Decree on Religious Tolerance dated April 17, 1905. The author concludes that the elections to the Fourth State Duma led to the growing alienation of the church from the state.

Keywords: Orthodox Church, Holy Synod, Council of Ministers of the Russian Empire, Union of the Russian People, election campaigns, State Duma

For citation: Egorov, A.N. "The State and the Orthodox Clergy in the Election to the Fourth State Duma of the Russian Empire." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 10, no. 3 (2026): 720–57, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-3-2>; EDN: FUZDTE

Введение

Важнейшей особенностью избирательной кампании в IV Государственную думу Российской империи стало широкое участие в ней православного духовенства. Летом 1912 г. левый публицист «Русского богатства» С.Я. Елпатьевский писал:

Из всех факторов русской жизни, сосредоточивающих на себе в последнее время внимание общества, несомненно наиболее ярким является широко развернувшаяся по России предвыборная агитация в среде духовенства. И не только сама агитация, а и то, что вскрылось при ней, новая организованность, новые цели и средства, в особенности ясно намечающаяся новая роль духовенства¹.

Данное обстоятельство неоднократно отмечалось как в советской, так и в современной историографии; участие Церкви в выборах рассматривалось попутно с другими сюжетами избирательной кампании в плане взаимодействия и/или противостояния власти и общества². Духовенство позиционировалось, прежде всего, как правительственный ресурс, необходимый для достижения определенного результата выборов. При этом историки зачастую ставили знак равенства между позициями Церкви и власти, что приводило к ошибочным суждениям, например, о том, что выделение священников в особые предварительные съезды настоятелей церквей (в рамках землевладельческой курии) было сделано «в целях усиления значения духовенства и обеспечения за ним искусственного преобладания на выборах»³. В статье будет показано, что цели данного выделения были другими.

Участие духовенства в выборах является частью более общей проблемы взаимодействия Церкви и государства в последние десятилетия существования Российской империи. В современной историографии данной проблематике посвящен ряд важных работ⁴, не обделено вниманием участие духовенства в

¹ Елпатьевский С. Духовенство // Русское богатство. 1912. № 9. С. 36.

² Аврех А.Я. Царизм и IV Дума (1912–1914). Москва: Наука, 1981; Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Ленинград: Наука, 1988. EDN: YVJDYF; Вишневски Э. Либеральная оппозиция в России накануне первой мировой войны. Москва: Россия молодая, 1993; Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. EDN: RDVSRN; Российская империя между реформами и революцией. 1906–1916 / под редакцией А.И. Миллера, К.А. Соловьева. Москва: Квадрига, 2021.

³ Вишневски Э. Либеральная оппозиция в России накануне первой мировой войны. С. 94.

⁴ Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). Москва: Культурный центр «Духовная библиотека», 2002. EDN: VIXJBR; Фирсов С.Л. Церковь в

работе российского парламента⁵, но участие Церкви в выборах специально не анализировалось.

Поэтому представляется целесообразным рассмотреть вопрос об участии духовенства в избирательной кампании в IV Государственную думу с учетом позиции Православной церкви, которая не просто являлась инструментом власти, но и имела собственные интересы на выборах. Такой ракурс позволит лучше понять непростые взаимоотношения государства и Церкви в период Думской монархии.

Основная часть

Появление Государственной думы как политического института не могло не затронуть Православную церковь. Сразу же возник естественный вопрос, должны ли священники участвовать в выборах и работать в парламенте? Как известно, Каноны Православной церкви однозначно не позволяют ей вмешиваться в политическую жизнь государства⁶. На Петергофских совещаниях лета 1905 г. при обсуждении избирательной системы раздавались голоса против участия священников в выборах, говорилось об отсутствии единства в их среде, о волнениях в Церкви. Будущий обер-прокурор Святейшего Синода князь А.Д. Оболенский, выступая против привлечения духовенства в Государственную думу, подчеркивал:

Кто из хороших священников, дорожащих своею паствою и превыше всего ставящих свое духовное призвание, бросит приход на долгое время сессии. Разве Гапоны?⁷

Однако возобладала другая точка зрения, сформулированная видным правым деятелем графом А.А. Бобринским:

Империи. Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II. Санкт-Петербург: Сатис, 2007; Фриз Г. «Губительное благочестие»: Российская церковь и падение империи / перевод с английского А. Глебовского, М. Долбиловой. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. EDN: WSLXMU; Сафонов А.А. Государство и конфессии в позднеимперской России: правовые аспекты взаимоотношений. Москва: Проспект, 2023. EDN: PVZHRH

⁵ Рожков В., протоиерей. Церковные вопросы в Государственной Думе. Москва: Издательство Крутицкого подворья, 2004.

⁶ Обоснование данного тезиса см.: Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). С. 343–344.

⁷ Таганцев Н.С. Пережитое. Учреждение Государственной думы в 1905–1906 гг. Петроград: 18-ая Государственная типография, 1919. С. 29.

Духовенство представляет из себя огромную, по своему влиянию на население, силу, силу разумную и спокойную и потому заслуживающую того, чтобы правительство призвало ее себе на помощь в состав Думы⁸.

В итоге политические соображения взяли верх, и священники получили право участвовать в выборах на общих основаниях по землевладельческой курии (как владельцы земли) и по городской курии при наличии необходимого имущественного ценза.

Во время выборов в I Государственную думу ни Святейший Синод, ни обер-прокурор князь А.Д. Оболенский, отличавшийся умеренно-либеральными взглядами, не требовали от священников обязательного участия в избирательной кампании. В послании Синода перед выборами в Думу от 18 февраля 1906 г. священнику разрешалось избирать депутатов и быть самому избранным (как было элегантно сказано по этому поводу – «нет ему в том укоризны»), а также своим пастырским словом влиять на выборы ради «правды Божией»⁹. Такая позиция объяснялась общим состоянием политического «брожения», охватившим Церковь. Один из последующих обер-прокуроров Синода в докладе Николаю II так характеризовал ситуацию:

Положение Православной церкви было неустойчиво и опасно. Наблюдался процесс обновленчества, была полная разнузданность печати, церковная школа совершенно отбилась от рук, епархиальные преосвященные были частью увлечены мечтами о «новом строе» Церкви... Между тем, это брожение в среде духовенства, особенно сельского, представляло величайшую опасность не только для Церкви, но и для государства¹⁰.

Духовенство быстро политизировалось, что отразилось на результатах выборов: из 6 священников I Государственной думы двое поддержали правых; двое вступили в кадетскую фракцию (подписали Выборгское воззвание); двое поддержали левых. На выборах во II Думу власти стали уже более активно использовать потенциал консервативно настроенных батюшек. Циркулярный указ Святейшего Синода от 12 декабря 1906 г. обязывал всех священников, имевших необходимый ценз, явиться на выборы и поддержать тех кандидатов,

---

⁸ Петергофское совещание о проекте Государственной Думы под личным Его Императорского Величества председательством. Секретные протоколы. Berlin: Eberhard Frowien Verlag, 1905. С. 110.

⁹ От Святейшего Синода пастырям православной российской Церкви перед выборами в Государственную Думу // Церковный вестник. 1906. № 8. С. 228–229.

¹⁰ Всеподданнейшие записки обер-прокурора Св. Синода С. Лукьянова // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 543. Оп. 1 Д. 421. Л. 7–7 об.

которые стояли на позициях верности православию и царю¹¹. Целенаправленные усилия Церкви позволили увеличить число священников во II Думе до 13 человек, но их политические предпочтения по-прежнему были далеки от желаний властей – 4 правых, 1 прогрессист, 4 кадет, 4 левых¹².

Изменение избирательного закона 3 июня 1907 г. создавало новые возможности для правых сил, что сказалось и на роли Церкви. Перед выборами в III Думу Святейший Синод рекомендовал клирикам избираться в депутаты, во многих губерниях было мобилизовано консервативно настроенное духовенство. В результате в III Государственную думу прошло 48 священников, которые распределились по своим политическим предпочтениям следующим образом: 16 правых, 14 националистов, 7 октябристов, 4 прогрессиста, 7 беспартийных¹³.

Успешные для власти итоги участия духовенства в избирательной кампании подтолкнули Святейший Синод к изменению своей позиции по участию духовенства в политических партиях. Поначалу, в послании Синода перед выборами в I Государственную думу от 18 февраля 1906 г. говорилось: «Не может пастырь и не должен связывать себя ни с каким союзом, ни с какой партией, ибо один для него союз – Христов в Церкви Божией». В то же время в том же послании содержался призыв к духовенству «постоять даже до смерти» за Веру, Царя и Отечество и «царскую власть Помазанника Божия не дать на попрание врагам»¹⁴. Такая «надпартийная» позиция Синода приводила к тому, что правое духовенство поддерживало Союз русского народа и аналогичные организации скорее духовно, чем организационно, т.е. без вступления в их ряды. После же выборов в III Думу в Определении Святейшего Синода от 15 марта 1908 г. было четко сказано:

Предоставить епархиальным преосвященным... разрешать и благословлять участие подведомого им православного духовенства в деятельности Союза русского народа и других монархических патриотических обществ...¹⁵

После этого в Главный совет Союза русского народа вошло 3 священника (из которых 1 был епископом). В 1909 г. в СРН насчитывалось уже 32 епископа,

¹¹ Циркулярный указ Святейшего Синода, от 12 декабря 1906 г., за № 11, по поводу выборов в Государственную Думу в 1907 г. // Церковные ведомости. 1906. № 50. С. 530–531.

¹² *Фирсов С.Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). С. 355.

¹³ *Рожков В., протоиерей.* Церковные вопросы в Государственной Думе. С. 319–321.

¹⁴ От Святейшего Синода пастырям православной российской Церкви перед выборами в Государственную Думу // Церковный вестник. 1906. № 8. С. 228–229.

¹⁵ Царизм в борьбе с революцией 1905–1907 гг.: сборник документов / под редакцией А.К. Дрезена. Москва: Социально-экономическое издательство, 1936. С. 237.

т.е. примерно четвертая часть архиерейского корпуса. Треть сельских отделов СРН возглавили священники¹⁶. Власть окончательно убедилась в лояльности Церкви и правомонархических симпатиях значительного числа духовенства.

Итоги избирательной кампании в III Думу в совокупности с участием духовенства в СРН подтолкнули правительство к мысли широко использовать Православную церковь как политический ресурс на выборах в IV Думу. К 1912 г. власть теряла опору в среде умеренных элементов (октябристов и т.п.); в правых партиях наблюдался раскол, они утрачивали свой авторитет. Сужалась социальная база существующего строя. В такой ситуации роль духовенства возрастала, оно казалось «последней опорой» монархии, из чего вытекало желание мобилизовать священников для избрания нужных кандидатов.

При этом власть понимала, что для привлечения священников к выборам недостаточно простых административных усилий Синода – необходимы определенные обещания. Поэтому в феврале 1912 г. началась работа Предсоборного совещания, которое, по сути, стало продолжением деятельности Предсоборного присутствия 1906 г., созванного с целью обсудить основные положения церковной реформы и организовать созыв Поместного собора с перспективой восстановления патриаршества. В начале 1907 г. в условиях спада революции Николай II отложил вопрос о созыве Собора на неопределенное время. Созыв Предсоборного совещания за полгода до выборов в IV Думу должен был показать духовенству намерение властей вернуться к рассмотрению церковной реформы и тем самым стимулировать явку на выборы. В церковных кругах пошли слухи о возможном восстановлении патриаршества в связи с грядущим празднованием 300-летия дома Романовых. При этом никаких реальных церковных преобразований в обозримом будущем царем не планировалось; в записке Обер-прокурору В.К. Саблеру от 2 марта 1912 г. было недвусмысленно сказано о «невозможности предпрещения сейчас срока созыва Поместного Собора»¹⁷.

В историографии решение о созыве Предсоборного совещания связывается с давлением Государственной думы. Не отрицая данного мотива, все же заметим, что в феврале 1912 г. III Дума доживала последние месяцы, власть уже переносила акцент на парламент следующего созыва, а значит и на выборы в него. Православной церкви на этих выборах отводилась совершенно определенная роль, о которой ясно высказался редактор финансируемой правительством газеты «Россия» И.Я. Гурлянд:

¹⁶ Степанов С.А. Черная сотня. Москва: Эксмо; Яуза, 2005. С. 156. EDN: QOWOKX

¹⁷ Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). С. 416.

Участие духовенства в выборах было построено так, что фактически священники должны были, скорее, являться лишь избирательным материалом, чем самостоятельной политической силой¹⁸.

Однако Церковь не желала выступать политическим статистом – у нее были свои основания идти на выборы и играть существенную роль в будущей Думе. Духовенство не скрывало своего недовольства Указом о веротерпимости от 17 апреля 1905 г., по которому все конфессии получили значительную свободу деятельности, что привело, помимо прочего, к переходу части верующих из православия в иные вероисповедания¹⁹. При этом Православная церковь свободы не получила, по-прежнему продолжала зависеть от государства. Разумеется, церковные иерархи не ставили вопрос об отделении Церкви (большую роль здесь играли финансовые соображения), но они хотели расширения автономии, большей самостоятельности при сохранении привилегированного положения, во многом утраченного после Указа о веротерпимости.

В церковных кругах не скрывали недовольства тем, что светская Дума решает церковные вопросы, не говоря уже о наличии среди депутатов священнослужителей других конфессий (получалось, к примеру, что католические священники в парламенте принимали участие в решении проблем Православной церкви). Неудивительно, что, выступая в Думе 12 марта 1912 г., В.К. Саблер говорил: «Я думаю только одно: что Церковь наша должна находиться совершенно вне гнета законодательных учреждений»²⁰.

К этому добавлялось недовольство «антицерковной» политикой III Думы (решение о передаче церковно-приходских школ государству, стремление расширить права старообрядцев, «пренебрежение» делами Православной церкви и проч.). Так, 9 июня 1912 г. священник Н.Е. Гепецкий, выступая в парламенте от имени духовенства, охарактеризовал политику думского большинства (прежде всего, октябристов) как «поход наших “конституционалистов” против Св. Православия», «разрушение церковных учреждений», «ужасные нападки и глумления» над Церковью, в результате которых «все духовенство в своей совокупности обижено, оскорблено».

---

¹⁸ Переписка председателя Совета министров с председателем Гос. думы, гос. секретарем и др. должностными лицами // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1276. Оп. 1. Д. 35. Л. 24.

¹⁹ С 17 апреля 1905 г. по 1 января 1909 г. перешло из православия в другие вероисповедания 308 758 человек (Сафонов А.А. Государство и конфессии в поздней имперской России. С. 178).

²⁰ Философов Д.В. Церковные дела // Ежегодник газеты «Речь» на 1913 год. Санкт-Петербург: Издание редакции газеты «Речь», 1913. С. 343.

Отсюда следовал совершенно естественный призыв к священнослужителям широко участвовать в грядущей избирательной кампании, «выбирать в Думу искренне верующих и чтущих Святую Церковь людей»²¹.

Духовенство стремилось через Думу повлиять на решение своих проблем. Так, корреспондент газеты «Утро России» констатировал:

Синод смотрит на роль духовенства в выборах, как на дело церкви и желает иметь в 4-й Думе сплоченную группу духовенства для поддержки ряда проектов, касающихся реорганизации церковного суда, например, о церковном приходе, об обеспечении духовенства, о средней церковной школе и т.п.²²

Конечно, церковные иерархи не могли не задумываться и о кардинальных вопросах, таких как восстановление соборности, созыв Поместного собора, выборы патриарха, перестройка взаимоотношений Церкви и государства. И хотя было очевидным, что решение этих вопросов зависит, прежде всего, от императора, иметь по ним парламентскую поддержку представлялось нелишним.

Поэтому Православная церковь активно включилась в выборы не только в качестве правительственного ресурса, но и исходя из своих собственных интересов. При Синоде было создано особое бюро по руководству выборами; на местах организовывались особые епархиальные комитеты, которые должны были следить за явкой священников на выборы, предписывать за кого голосовать и т.п. Священникам не разрешалось выдвигать свои кандидатуры в Думу без разрешения епископов. Были предприняты специальные меры по недопущению на выборы ненадежных в политическом плане священников. В прессе сообщалось, что Синод разослал в епархии

запросы относительно мероприятий духовенства на предстоящих выборах; идет ли оно сплоченно, не замечены ли священники, входящие в соглашение с так называемыми прогрессивными партиями, что считается совершенно недопустимым²³.

Опасения Синода по поводу «неблагонадежных» священников были вполне обоснованы. На заседании ЦК кадетской партии 11 июня 1912 г. приводились

---

²¹ Правые партии. 1905–1907. Документы и материалы / составитель Ю.И. Кирьянов. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. Т. 2. С. 257–258.

²² Участие духовенства в выборах // Утро России. 1912 (5 апреля). № 79. С. 4.

²³ Фита. Обер-прокурорская рать // Церковь. Старообрядческий церковно-общественный журнал. 1912. № 31. С. 741.

факты попыток участия в выборах «прогрессистов-священников»²⁴ в Вятке и Перми²⁵; в запросе фракции прогрессистов в IV Думу говорилось о запрете епископа в Орловской губернии являться на выборы двум уполномоченным от духовенства, так как «они были заподозрены в прогрессивности»²⁶; от Вологодской губернии несмотря на все усилия властей избрали священника левых взглядов²⁷. Поэтому церковное руководство жестко контролировало выборы административными мерами. В епархии были командированы синодальные чиновники во главе с чиновником по особым поручениям при Обер-прокуроре князем И.П. Шаховским. К середине августа 1912 г. епархиальные власти наметили 93 кандидата от духовенства в Думу, в том числе 19 епископов²⁸.

Предвыборные мероприятия Церкви привлекли внимание общественности, вызвав ее негативную реакцию. В прессе муссировались слухи о стремлении властей и Церкви провести в Думу 150–180 священников; высказывались опасения, что власть, опираясь на поддержку правого духовенства, превратит Думу в законосовещательный орган. Умеренно-правые и октябристы не желали потерять голоса в землевладельческой курии. В прессе всех направлений (кроме крайне правых) началась кампания против участия духовенства в выборах. Типичные заголовки статей о роли Церкви в избирательной кампании звучали так: «Последний оплот», «Последний козырь». А.И. Гучков с раздражением говорил на одном из предвыборных собраний о мобилизации священников:

Уже известны факты явно заготовленных списков в руководство духовенства. Словом, кому-то желательно, чтобы над четвертой Думой был

---

²⁴ В связи с запретом для нелегализованных партий использовать в предвыборной агитации свои названия, все сторонники оппозиционных партий называли себя «прогрессистами».

²⁵ Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии / под редакцией В.В. Шелохаева. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. Т. 2. С. 63.

²⁶ Запрос и речи фракции прогрессистов о выборах в Четвертую Государственную Думу. Москва: Типография И.В. Леонтьева, 1913. С. 12.

²⁷ Егоров А.Н. Власть и общество на выборах в IV Государственную думу (по материалам Вологодской губернии) // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 3. С. 933–934. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-3-4>; EDN: TMVHKM

²⁸ Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. С. 67.

вывешен ярлык: «С разрешения его превосходительства губернатора и с благословения его преосвященства»²⁹.

Правительство также опасалось резкого усиления политического влияния Церкви, и для этого были свои причины. Власть не собиралась поощрять клерикализм, хотя отдельные левые публицисты ее в этом обвиняли. Еще в 1908 г. Обер-прокурор Святейшего Синода П.П. Извольский писал царю в докладной записке: «В правящих кругах Церкви канонический строй понимался не как внутренняя ее самостоятельность, а как новая форма власти» и указывал на то, что церковная иерархия встала на путь вмешательства в государственные дела.

Этой церковно-политической агитации ныне надо положить предел, напомнив Церкви, что источник власти – один, и что все в государстве должно этой власти покоряться³⁰.

Разумеется, нельзя приписывать теократические идеи всему духовенству, но некоторым архиереям они были не чужды.

Взятый правительством после Указа о веротерпимости от 17 апреля 1905 г. курс на расширение религиозных свобод для различных конфессий не мог не привести к нарастанию конфликта с Православной церковью, резонно опасавшейся утратить свое привилегированное положение. В декабре 1907 г. в письме П.П. Извольскому П.А. Столыпин констатировал:

По существу, конечно, Синод не только совершенно забывает Манифест 17 октября о свободе совести, но и впадает в противоречие с основаниями Манифеста 17 апреля о веротерпимости³¹.

В то же время премьер-министр не собирался выносить противоречия с Церковью в публичное пространство, подчеркивая в том же письме: «В Думе же против Синода мы не пойдем»³².

Не могло понравиться властям и слишком тесное сближение политически активного духовенства с крайне правыми кругами «дубровинского» толка³³,

²⁹ Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК / под редакцией В.В. Шелохаева. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. Т. 2. С. 376.

³⁰ Цит. по: *Фирсов С.Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). С. 393–394.

³¹ П.А. Столыпин. Переписка / под редакцией П.А. Пожигайло. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 185.

³² П.А. Столыпин. Переписка. С. 185.

отрицавшими и без того не столь уж значительные элементы конституционализма и парламентаризма периода Думской монархии³⁴. Правое духовенство неоднократно выступало с призывами если не упразднить Думу вообще, то, по крайней мере, сделать ее законосовещательной, увеличить представительство священников и т.п. Так, архиепископ Вологодский и Тотемский Никон (Рождественский) накануне выборов в Думу рассуждал:

Будет ли опять изменен избирательный закон или же будут приняты меры к более строгому его исполнению путем разъяснений, как это недавно было сделано в отношении к иудеям, – мы не знаем; знаем одно: Царь есть высший источник законов, и никто не смеет отнимать у Него права не только изменять, но и отменять законы, если Он сие признает за благо. Он может и вовсе отменить законы о Думе: ведь Он дал их, и если найдет, что законы не отвечают благу Его народа, то кто же посмеет запретить Ему и отмену их?³⁵

В апреле 1912 г. епископ Псковский и Порховский Алексей (Молчанов) обратился с воззванием к духовенству не вступать в блок ни с какой политической силой, а образовать свою партию, основанную на идеалах самодержавия³⁶.

Видный религиозно-общественный деятель Д.В. Философов писал по этому поводу:

Старый режим кажется церкви гораздо более реальным, нежели новый, гораздо более религиозным, а потому у нее нет и не может быть никакой энергии перестраивать себя в соответствии с новым режимом. И поэтому каждый раз, когда правительство ищет у церкви поддержки в консервативных своих устремлениях, оно пробуждает в церкви устремления вовсе не консервативные, а реставрационные. Церковь согласна на послушание, потому что послушание насквозь пронизывает русскую монашескую иерархию. Но если к ней обращаются не во имя послушания, а во имя активного участия в политической жизни страны, она сейчас же, и совершенно естественно, разворачивает знамя реставрации. В

---

³³ «Дубровинцами» называли сторонников православно-монархической партии «Всероссийский Дубровинский Союз русского народа».

³⁴ Отметим, что из-за негласного распоряжения властей в IV Государственную думу не избрали ни одного «дубровинца». Подробнее о взаимоотношениях «дубровинцев» с властью см.: *Иванов А.А.* Правые партии Российской империи. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2024. EDN: BECHGN

³⁵ *Архиепископ Никон.* Мои дневники. Вып. III. 1912. Сергиев Посад: Типография Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1915. С. 119.

³⁶ Агитация Синода // Утро России. 1912 (18 апреля). № 90. С. 3.

этом смысле, русское правительство, поскольку оно искренне признает новый строй, совершает величайшую ошибку, вводя церковь в политику. Положение еще осложняется тем, что даже в пределах старого строя у церкви существуют свои давние и очень серьезные споры с властью светской, главным образом с обер-прокуратурой³⁷.

«Реставрационная» позиция значительного числа церковных деятелей вызывала раздражение умеренно-правых кругов, в поддержке которых власть остро нуждалась. Так, пермский губернатор И.Ф. Кошко отмечал:

С воцарением в Синоде Саблера духовенство стало политиканствовать в самом узкочерносотенном направлении, что, очевидно, главою Синода поощрялось. И когда в Петроград приезжали архиереи, то они, говорят, беседовали с Саблером не столько о духовных нуждах своих епархий, сколько осведомляли его о направлении деятельности местных властей и, главное, насколько эта деятельность соответствовала ожиданиям Дубровина и его присных. Если, скажем, губернатор не вступал в «Союз русского народа» и не соглашался быть председателем в местном отделе, его сейчас же зачисляли в разряд неблагонадежных и врагов православной церкви³⁸.

Неудивительно, что либеральный публицист А.С. Изгоев, разбирая позицию «реакционно-демагогического православного клерикализма», замечал:

демагогическая деятельность духовенства, могущая встретить сочувствие масс, едва ли, однако, будет пользоваться поддержкой правительства³⁹.

Правительство оказалось в сложной ситуации. С одной стороны, использование подобранных голосов духовенства представлялось безальтернативным, с другой – аппетиты Церкви нужно было как-то ограничить. Поэтому правительство предприняло ряд мер с целью не допустить избрания большего числа священников, чем было в III Думе, опираясь в этом вопросе на поддержку Николая II⁴⁰. Так, 17 августа 1912 г. министр внутренних дел А.А. Макаров направил циркулярную телеграмму губернаторам с

³⁷ *Философов Д.В.* Церковные дела. С. 336.

³⁸ *Кошко И.Ф.* Воспоминания губернатора. Пермь (1911–1914) / составитель Н.Г. Павловский. Екатеринбург: Демидовский институт, 2007. С. 90.

³⁹ *Изгоев А.С.* Перед выборами // Русская мысль. 1912. № 4. С. 3.

⁴⁰ Накануне выборов Николай II публично поддержал ограничительные меры правительства по отношению к Церкви на встрече с представителями Постоянного совета Объединенного дворянства (*Соловьев К.А.* Законодательная и исполнительная власть в России. С. 357).

разъяснением, что «наличное количество духовенства в третьей Думе должно считаться максимальным» и его увеличение «крайне нежелательно»⁴¹.

Местные власти располагали соответствующими рычагами. Священники, в большинстве своем, принимали участие в выборах по съездам мелких землевладельцев, особенностью которых была крайне низкая явка избирателей, не превышавшая в среднем по стране 10 %⁴². В таких условиях организованные Синодом священники практически гарантированно получали большинство на съездах мелких землевладельцев и могли провести только своих выборщиков, не считаясь с мнением умеренно-правых сил. При такой ситуации духовенство могло получить слишком большое число выборщиков в губернском избирательном собрании и существенно нарастить свою численность в Думе. Чтобы этого не произошло, местные власти стали выделять священников в особые предварительные съезды настоятелей церквей в рамках землевладельческой курии⁴³, но только в тех случаях, когда они были уверены в благоприятном исходе выборов по данной курии без подобранных голосов духовенства. Это было сделано в 245 уездах из 330, для которых распоряжения о созыве предварительных съездов были опубликованы до 11 сентября 1912 г. Тем не менее, роль духовенства оставалась весьма значительной – в 47 губерниях с церковным землевладением на съездах мелких землевладельцев было избрано 7 162 священника из 8 764 выборщиков (81 %)⁴⁴.

Церковное руководство открыто показало свое недовольство ограничительными мероприятиями правительства. Так, в конце августа 1912 г. синодальное предвыборное бюро высказалось в прессе против обособления духовенства в отдельную курию, полагая, что духовенство на выборах должно идти «рука об руку со всеми избирателями»⁴⁵. Отметим, что после выборов В.К. Саблер в интервью прессе утверждал, что правительство «перепутало все его карты». Он полагал, что «если бы священники не были выделены в отдельную курию, получились бы совершенно иные результаты выборов»⁴⁶.

---

⁴¹ Переписка с губернаторами и циркуляры последних в связи с проведением выборов в Государственную думу // РГИА. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 247. Л. 43–44.

⁴² *Малышева О.Г.* Избирательная система и практика России в период думской монархии 1905–1917. Москва: Квадрига, 2018. С. 179. EDN: ZBBBBJ

⁴³ Тем самым светские мелкие землевладельцы даже при крайне низкой явке на выборы могли гарантированно избрать своих представителей в выборщики без участия духовенства, что ограничивало численность священников в губернском избирательном собрании.

⁴⁴ *Я. Л.* Выборы // Ежегодник газеты «Речь» на 1913 год. Санкт-Петербург: Издание редакции газеты «Речь», 1913. С. 218.

⁴⁵ Синод о выборной тактике духовенства // Утро России. 1912 (29 августа). № 199. С. 3.

⁴⁶ Около парламента // Утро России. 1912 (24 ноября). № 271. С. 3.

Выделение духовенства в особые съезды преследовало и другие цели. Во-первых, повышался уровень контроля над голосами священников, что было важно при процедуре тайного голосования. Во-вторых, хотя бы на уровне съезда мелких землевладельцев можно было ослабить постоянно возникавшие на разных стадиях выборов противоречия со светскими избирателями умеренно-правого толка. Так, на съезд землевладельцев Кадниковского уезда Вологодской губернии пришло 11 землевладельцев и 25 священников. Один из светских избирателей А.А. Королев был этим возмущен, заявил, что свое присутствие на съезде он считает бесполезным, попросил отметить его выбывшим и покинул зал заседания. Вслед за ним съезд демонстративно покинули еще четверо землевладельцев⁴⁷. На конференции кадетской партии в феврале 1913 г. представитель из Воронежа рассказывал, что

в Боровском уезде на съезде крупных землевладельцев и священников избраны были только священники, а дворяне не баллотировались, но устроили так, что выборы были отменены, на следующих выборах духовенству уже было внушено, чтобы больше 2 священников не выбирали. То же и в Задонском уезде, где священников оказалось одним человеком больше, чем дворян. На предвыборном собрании взаимное ожесточение двух этих групп выразилось даже в грубой ругани...⁴⁸

Схожую картину рисовал представитель из Твери, отмечавший, что администрация с духовенством озлобили своим поведением дворян. В результате, главная линия предвыборной борьбы стала проходить не между правыми и левыми, как обычно, а между самими правыми:

духовенство не могло провести ни одного депутата благодаря тому, что дворяне старались не пропускать священников⁴⁹.

Правительство не собиралось усиливать политическую роль Церкви в будущей Думе, о чем говорит провал планов создания отдельной фракции из

---

⁴⁷ Егоров А.Н. Выборы в Государственные думы Российской империи в Вологодской губернии: региональные особенности // Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 10–11 декабря 2015 г.): сборник научных статей / под редакцией А.Б. Николаева. Санкт-Петербург: ЭлекСис, 2016. Ч. 1. С. 87. EDN: YORJIZ

⁴⁸ Съезды и конференции конституционно-демократической партии / под редакцией В.В. Шелухаева. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. Т. 2. С. 400.

⁴⁹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. С. 401.

священников. Правомонархическая церковная пресса всячески продвигала эту идею. Так, черносотенный «Колокол» писал:

Священник – везде священник, пастырь церкви, значит, и в Государственной Думе каждый депутат, представитель церкви, при голосовании, прежде чем подать свой голос на ту или другую сторону, должен непременно задаться вопросом: а что, в пользу или во вред церкви будет это решение? Голос свой он должен подать в зависимости от этого и *только от этого ответа* на данный вопрос своей иерейской совести... Надо предпринять, чтобы в IV Государственной Думе оо. духовные представляли собою стойкую и сплоченную рать... имеющую во главе вождя – святителя⁵⁰.

На роль парламентского лидера намечался один из наиболее авторитетных членов III Думы, митрополит Евлогий (Георгиевский). Накануне выборов В.К. Саблер предложил ему возглавить будущую отдельную фракцию из священников, но Евлогий отказался, сказав, что это было бы страшным вредом для Церкви:

Россия не знает клерикализма, и такое явление как партия «национального католического центра»... было бы нашему народу чуждо... изолируя духовенство от народа мы сделаем его одиозным, «попы налезли в Думу»... Духовенство во всех партиях должно работать по совести. Важнее, чтобы оно было вкраплено во все политические партии и в них уже защищало церковные взгляды⁵¹.

Такая позиция стоила Евлогию места в парламенте – Синод запретил ему баллотироваться. В IV Думе Саблер мог бы найти послушных иерархов и договориться с ними, но отдельной фракции духовенства так и не было создано, что, по всей видимости, объяснялось позицией верховной власти.

Для понимания этой позиции стоит обратиться к рассуждениям осведомленной прессы:

Совершенно естественно, что предполагаемая «церковная фракция» не то, что голосовать, а дышать не посмеет без указания епископского перста. Но нельзя забывать также и того, что и епископы находятся в полном подчинении у обер-прокурора св. синода... Таким образом, в

---

⁵⁰ Цит. по: *Фита*. Обер-прокурорская рать. С. 742.

⁵¹ *Евлогий (Георгиевский)*. Путь моей жизни: Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. Москва: Московский рабочий; ВПМД, 1994. С. 213.

Государственной Думе получится не священническая, не епископская, не «церковная» фракция, а просто послушная и безгласная обер-прокурорская рать под главенством владыки епископа, не смеющего противиться обер-прокурорским велениям. При количестве в 40–50 голосов и при отсутствии абсолютного большинства в Думе у одной какой-либо партии любой законопроект может быть обращен в прах голосами «синодальной фракции», – и Государственной Думе придется прислушиваться к тому, чего хочет обер-прокурор св. синода⁵².

Очевидно, что правительство не хотело ставить себя в Думе в зависимость от позиции Синода, особенно учитывая имеющиеся с ним расхождения⁵³. Гораздо предпочтительнее было распределение подобранных священников между различными правыми фракциями, что создавало возможность для политических маневров. Поэтому последовал негласный запрет на создание «церковной» фракции, нарушить который В.К. Саблер не посмел.

Реакция священников на предвыборные манипуляции властей была неоднозначной. Наблюдая за ходом выборов, С.Н. Булгаков выделил три категории выборщиков от духовенства. Одни не осознавали двусмысленности своего положения и были «ослеплены той мнимой ролью, которая была им отведена», другие были «захвачены “правым” политиканством», а третьи «действовали под влиянием страха и против совести, и сознавали это, стыдились и мучились, – конечно, для них это было горьким уроком политического воспитания»⁵⁴.

Судя по откликам современников, среди священников преобладало негативное отношение к использованию их властями на выборах. Саратовский октябрист писал А.И. Гучкову в сентябре 1912 г.:

Большинство духовенства считает себя оскорбленным навязанной ему ролью, причем, будучи выделенным в отдельный съезд для выбора

⁵² *Фита*. Обер-прокурорская рать. С. 743.

⁵³ Например, в марте 1912 г. В.К. Саблер направил в Совет министров проект «Положения о православном приходе», который шел вразрез со всеми планами правительства по этому важнейшему вопросу церковной жизни. Поэтому уже в апреле резко против проекта выступили ключевые представители власти: государственный секретарь С.Е. Крыжановский, министр юстиции И.Г. Щегловитов, министр народного просвещения Л.А. Кассо и министр внутренних дел А.А. Макаров. Саблер был вынужден отступить, забрав свой проект. Давать в такой ситуации Обер-прокурору мощный инструмент воздействия на правительство в лице «церковной» фракции в парламенте было бы политическим безрассудством (См.: *Беглов А.Л. Православный приход на закате Российской империи: состояние, дискуссии, реформы*. Москва: Индрик, 2021. С. 719–723).

⁵⁴ *Булгаков С.Н.* На выборах (Из дневника) // *Русская мысль*. 1912. № 11. С. 188.

уполномоченных, оно не может проявить той независимости, которая была бы вполне ему доступна в общем избирательном съезде вследствие невозможности (проголосовать за того, кого они считают нужным. – А. Е.) и контроля⁵⁵.

Видный государственный деятель, соратник П.А. Столыпина В.И. Гурко писал:

Припоминаю замечательную сценку этих выборов. Стоя внизу большой парадной лестницы Дворянского собрания, увидел я спускающуюся всю группу выборщиков от духовенства.

– Ну что, отцы, – сказал я им, – вот к чему вас привело то, что вы превратились в стадо пасомых каким-то чиновником.

– В этом мы не виноваты, – ответили они в голос, буквально скрежеща зубами от злости, – это все Петербург проклятый⁵⁶.

С точки зрения количественных параметров, выборы прошли примерно так, как и задумывалось правительством. Число священников среди выборщиков от землевладельческой курии составило 771 чел. из 2 365 (32,6 %), что заметно больше показателей выборов 1907 г. – 533⁵⁷. В губернских избирательных собраниях общее число выборщиков от духовенства достигло 14,5 %. В итоге в Думу было избрано 47 священников из 442 депутатов (10,6 %). В то же время, несмотря на все усилия Синода, политического единства среди них добиться не удалось. Распределение духовенства по фракциям выглядело следующим образом: правые – 21, националисты и умеренно-правые – 19, фракция центра – 2, октябристы – 2, прогрессисты – 3⁵⁸.

Заключение

Таким образом, Православная церковь приняла активное участие в выборах в IV Государственную думу не просто по указке светских властей, а исходя из своих собственных интересов. Однако правительство с ведома Николая II не позволило духовенству сыграть свою партию. Власть ясно показала Церкви свое отношение к ней как к административному ресурсу, необходимому для решения политических задач. С.Н. Булгаков подчеркивал:

---

⁵⁵ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: материалы перлюстрации Департамента полиции / составитель К.А. Соловьев. Москва: Политическая энциклопедия, 2014. С. 278.

⁵⁶ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. Москва: Новое литературное обозрение, 2000. С. 625.

⁵⁷ Российская империя между реформами и революцией. 1906–1916. С. 81.

⁵⁸ Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. С. 67.

Последствия этого сатанинского замысла – сделать духовенство орудием выборов правительственных кандидатов – будут неисчислимы⁵⁹.

Ему вторил Д.В. Философов:

Неудачное привлечение духовенства к выборам не только не привело к желательным для церковного ведомства результатам, но нанесло прямой и непоправимый ущерб белому духовенству, в значительной мере дискредитировав его в глазах народных масс⁶⁰.

Политика властей вызвала недовольство значительного числа священников, понимавших, что власть их использует как бесправных статистов, не проводя при этом кардинальных церковных реформ. При этом речь идет не только о прогрессивно настроенных священниках, но и о консерваторах, отрицавших явно наметившийся после Указа о веротерпимости от 17 апреля 1905 г. курс на расширение религиозных свобод для различных конфессий. Позднее Временное правительство в более последовательной форме продолжило этот курс, что вызвало серьезный конфликт Православной церкви с новой властью⁶¹, истоки которого были заложены уже в период Думской монархии.

В итоге выборы в IV Государственную думу привели к нарастанию отчуждения Церкви от власти. В современной историографии констатируется, что накануне революционных потрясений 1917 г.

свою оппозиционность по отношению к существующему порядку вещей, так или иначе, декларировали большинство церковных деятелей. Это и высшие иерархи, и представители духовной профессуры, и рядовые священно- и церковнослужители⁶².

Совершенное естественно, что Православная церковь не оказала никакой поддержки монархии в дни Февральской революции.

⁵⁹ Булгаков С.Н. На выборах (Из дневника) // Русская мысль. 1912. № 11. С. 189.

⁶⁰ Философов Д.В. Церковные дела. С. 345.

⁶¹ См.: Егоров А.Н. Министр исповеданий А.В. Карташев и конфессиональная политика Временного правительства // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2021. Т. 5, № 3. С. 843–885. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-3-5>; EDN: CTRUBI

⁶² Рогозный П.Г. Православная церковь и Русская революция. Очерки истории. 1917–1920. Москва: Весь мир, 2018. С. 25. EDN: OHZLRW

Introduction

Active participation of Orthodox clergy in the elections to the Fourth State Duma of the Russian Empire was an important feature of this election campaign. In the summer of 1912, the left-wing author of the *Russkoye Bogatstvo*, S. Elpat'evsky, wrote:

Of all events of the Russian life that have recently attracted public attention, the large-scale pre-election campaign among the clergy was undoubtedly the most striking. And not only the campaign itself, but also what has been revealed during the campaign, the new organization, the new ends and means, and particularly the remarkable new role of the clergy.¹

This fact has been repeatedly noted in both Soviet and modern historiography. The participation of the church in elections was studied along with other subjects of the election campaign in terms of interaction and/or the confrontation between government and society.² The clergy were primarily seen as a governmental resource necessary to achieve a certain election result. At the same time, historians often equated the positions of the Church and the government, which led to false judgments, for example, that the grouping of priests into special preliminary congresses of church leaders (within the landowning curia) was performed “in order to strengthen the importance of the clergy and ensure their artificial predominance in elections.”³ The article will prove that the purpose of this grouping was different.

The participation of clergy in elections is part of a broader issue of interaction between church and state in the last decades of the Russian Empire. In modern historiography, a number of important works⁴ are devoted to this issue, the

---

¹ S. Elpat'evskii, “The Clergy” [in Russian], *Russkoe bogatstvo*, no. 9 (1912): 36.

² A.Ya. Avrekh, *Tsarism and the Fourth Duma. 1912–1914* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1981); V.S. Dyakin, *Bourgeoisie, Nobility, and Tsarism in 1911–1914. Decomposition of the Third-of-June System* [in Russian] (Leningrad: Nauka, 1988), EDN: YVJDYF; E. Vishnevski, *The Liberal Opposition in Russia on the Eve of World War I* [in Russian] (Moscow: Rossiya molodaya, 1993); K.A. Solov'ev, *Legislative and Executive Power in Russia: Interaction Mechanisms (1906–1914)* [in Russian] (Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2011), EDN: RDVSRN; A.I. Miller, and K.A. Solov'ev, eds., *The Russian Empire between the Reforms and the Revolution. 1906–1916* [in Russian] (Moscow: Kvadriga, 2021).

³ Vishnevski, *The Liberal Opposition*, 94.

⁴ S.L. Firsov, *The Russian Church on the Eve of Change (Late 1890s – 1918)* [in Russian] (Moscow: Kul'turnyi tsentr “Dukhovnaya biblioteka”, 2002); S.L. Firsov, *The Church in the Empire. Essays on the Church History of the Era of Emperor Nicholas II* [in Russian] (St Petersburg: Satis, 2007); G. Freeze, “*Subversive Piety*”: *The Russian Church and the Fall of the Empire* [in Russian], trans. A. Glebovskii, and M. Dolbilova (St Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2019), EDN: WSLXMU; A.A. Safonov, *The State*

participation of clergy in the work of the Russian parliament is also studied,⁵ but the participation of the church in elections has not been analyzed separately.

Therefore, it seems reasonable to study the issue of clergy participation in the election campaign for the Fourth State Duma, taking into account the position of the Orthodox Church, as it was not just an instrument of power, but it also had its own interests in the elections. This perspective will make it possible to better understand the complex relationship between the state and the church during the period of the Duma monarchy.

Main body

The emergence of the State Duma as a political institution could not but affect the Orthodox Church. A natural question immediately arose: should priests participate in elections and work in the parliament? As we know, the canons of the Orthodox Church do not allow it to interfere in the political life of the state.⁶ At the Peterhof meetings in the summer of 1905, the electoral system was discussed, and there were remarks against the participation of priests in elections, about the lack of unity among them, and about disturbances within the church. Prince A. Obolensky, the future Chief Procurator of the Holy Synod, spoke out against the involvement of clergy in the State Duma and emphasized:

Which of the good priests who value their congregations and put their spiritual vocation first will leave the parish and go to a long session. Only Gapon could do that?⁷

However, another point of view prevailed. It was formulated by Count A. Bobrinsky, a prominent rightist:

The clergy are a huge force in terms of their influence on the population; it is a wise and calm force and therefore it deserves to be called upon by the government to help in the Duma.⁸

---

and Confessions in Late Imperial Russia: Legal Aspects of Relations [in Russian] (Moscow: Prospekt, 2023), EDN: PVZHRH

⁵ V. Rozhkov, Archpriest, *Church Issues in the State Duma* [in Russian] (Moscow: Izdatel'stvo Krutitskogo podvor'ya, 2004).

⁶ For justification of this idea, see Firsov, *The Russian Church on the Eve of Change*, 343–44.

⁷ N.S. Tagantsev, *What I Have Lived Through. The Establishment of the State Duma in 1905–1906* [in Russian] (Petrograd: 18-aya Gosudarstvennaya tipografiya, 1919), 29.

⁸ *The Peterhof Conference on the State Duma Project, Chaired by His Imperial Majesty. Secret Protocols* [in Russian] (Berlin: Eberhard Frowien Verlag, 1905), 110.

As a result, political considerations prevailed, and priests were given the right to participate in elections on a general basis from the landowning curia (as land owners) and from the city curia if they had the necessary property qualification.

During the elections to the First State Duma, neither the Holy Synod nor the Chief Procurator, Prince A. Obolensky with his moderate liberal views, required priests to participate in the election campaign. On February 18, 1906, before the Duma elections, the Synod announced that the priests were allowed to elect deputies and be elected (as it was literally said, “they are above reproach for this”), and also to influence the elections with their pastoral word for the sake of “divine truth.”⁹ This idea appeared because of the general state of political “unrest” that engulfed the church. In his report to Nicholas II, one of the later Chief Procurators of the Synod described the situation as follows:

The situation of the Orthodox Church was unstable and dangerous. There was renovationism, the press was completely unbridled, the church school got out of control, diocesan bishops were filled with dreams of a “new order” in the church. . . However, such unrest among the clergy, especially among rural priests, was the greatest danger not only for the church but also for the state.¹⁰

The clergy quickly became politicized, which was reflected in the election results: out of 6 priests of the First State Duma, two supported the right wing, two joined the Cadet faction (signed the Vyborg Manifesto), and two supported the left wing. In the elections to the Second Duma, the authorities actively used the potential of conservative priests. The circular decree of the Holy Synod dated December 12, 1906, required all priests who had the necessary qualifications to appear at the elections and support those candidates who were loyal to Orthodoxy and the tsar.¹¹ Purposeful efforts of the Church increased the number of priests in the Second Duma to 13 people, but their political preferences were still far from the wishes of the authorities: there were 4 rightists, 1 progressist, 4 Cadets, and 4 leftists.¹²

On June 3, 1907, the electoral law was modified and created new opportunities for the rightists, which also influenced the role of the church. Before the elections to the Third Duma, the Holy Synod recommended that clerics should be elected as

---

⁹ “From the Holy Synod to the Pastors of the Russian Orthodox Church before the Elections to the State Duma” [in Russian], *Tserkovnyi vestnik*, no. 8 (1906): 228–29.

¹⁰ “Vsepoddanneishie zapiski ober-prokurora Sv. Sinoda S. Luk'yanova” [Memos addressed to the emperor by Chief Procurator of the Holy Synod, S. Lukyanov]. F. 543, op. 1, d. 421, l. 7–7 ob. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation], Moscow, Russia.

¹¹ “Circular Decree of the Holy Synod dated December 12, 1906, no. 11, on the Elections to the State Duma in 1907” [in Russian], *Tserkovnye vedomosti*, no. 50 (1906): 530–31.

¹² Firsov, *The Russian Church on the Eve of Change*, 355.

deputies, and conservative clergy were mobilized in many governorates. As a result, 48 priests were elected to the Third State Duma. They divided according to their political preferences as follows: 16 rightists, 14 nationalists, 7 Octobrists, 4 progressists, 7 non-partisans.¹³

The results of clergy participation in the election campaign were successful for the government. They also prompted the Holy Synod to change its position on clergy membership in the political parties. At first, on February 18, 1906, before the elections to the First State Duma, the Synod declared, “A pastor cannot and must not be a part of any union, any party, as the only union for him is that of Christ in the Church.” At the same time, this declaration called on the clergy to “stand up even to death” for the Faith, the Tsar, and the Fatherland, and “do not allow the royal authority given by God to be trampled by enemies.”¹⁴ This “supra-party” position of the Synod encouraged the right-wing clergy to support the Union of the Russian People and similar organizations in a spiritual way rather than organizationally, i.e. without joining them. After the elections to the Third Duma, the Decision of the Holy Synod dated March 15, 1908 clearly stated:

Authorize the diocesan bishops. . . to allow and bless the participation of their Orthodox clergy in the activities of the Union of the Russian People and other monarchical patriotic societies. . .¹⁵

After that, the Main Council of the Union of the Russian People (URP) included 3 priests (one of them was a bishop). In 1909, there were already 32 bishops in the URP, that is about a quarter of the bishop corps. A third of the rural departments of the URP were headed by priests.¹⁶ The authorities finally became convinced of the loyalty of the church and the monarchical sympathies of a significant number of clergy.

The results of the election campaign for the Third Duma and the participation of clergy in the URP prompted the government to actively use the Orthodox Church as a political resource in the elections to the Fourth Duma. By 1912, the government had been losing its support among moderate representatives (Octobrists, etc.); there was a split in the right-wing parties, and they were losing their authority. The social foundation of the existing system was losing its stability. As a result, the role of the

---

¹³ Rozhkov, *Church Issues in the State Duma*, 319–21.

¹⁴ “From the Holy Synod to the Pastors of the Russian Orthodox Church before the Elections to the State Duma” [in Russian], *Tserkovnyi vestnik*, no. 8 (1906): 228–29.

¹⁵ A.K. Drezen, ed., *Tsarism in the Struggle Against the 1905–1907 Revolution: A Collection of Documents* [in Russian] (Moscow: Sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1936), 237.

¹⁶ S.A. Stepanov, *The Black Hundred* [in Russian] (Moscow: Eksmo; Yauza, 2005), 156, EDN: QOWOKX

clergy increased, it seemed to be the “last support” of the monarchy, and there emerged the idea to mobilize priests to elect the necessary candidates.

At the same time, the authorities realized that administrative efforts of the Synod were not enough to attract priests to the elections and that certain promises were needed. Therefore, in February 1912, the Pre-Conciliar Conference started its work. In fact, it continued the activity of the Pre-Conciliar Commission of 1906 aimed at discussing the main provisions of church reform and convocation of a Local Council with the prospect of restoring the patriarchate. At the beginning of 1907 the revolutionary movement weakened, and Nicholas II postponed the convocation of the Council for an indefinite time. The convocation of the Pre-Conciliar Conference six months before the Fourth Duma elections was intended to show the clergy the authorities’ intention to restart the consideration of church reform and thereby encourage turnout. There were talks in church circles about the possible restoration of the patriarchate due to the upcoming celebration of the 300th anniversary of the Romanov Dynasty. Nevertheless, the tsar did not plan any church reforms in the near future. In his note to the Chief Procurator Vladimir K. Sabler dated March 2, 1912, he stated that “it was impossible to know the date of convocation of the Local Council.”¹⁷

In historiography, the decision to convene the Pre-Conciliar Conference is associated with pressure from the State Duma. Without denying this reason, however, we note that in February 1912, the Third Duma was living out its last months, and the authorities were already shifting their focus to the next convocation of the parliament and therefore to the elections to it. The Orthodox Church was given a particular role in these elections, which was clearly stated by I. Gurlyand, the editor of the government-funded newspaper *Rossiia*:

The clergy’s participation in elections was conceived in such a way that priests were supposed to be electoral resource rather than an independent political force.¹⁸

The church, however, did not want to act as a political extra, as it had its own reasons to participate in the elections and play a significant role in the future Duma. The clergy did not hide their dissatisfaction with the Decree on Religious Tolerance dated April 17, 1905, according to which all confessions were given considerable

---

¹⁷ Firsov, *The Russian Church on the Eve of Change (Late 1890s – 1918)*, 416.

¹⁸ “Perepiska predsdatel’ia Soveta ministrov s predsdatelem Gos. dумы, gos. sekretarem i dr. dolzhnostnymi litsami” [Correspondence between the Chairman of the Council of Ministers and the Chairman of the State Duma, the State Secretary, and other officials]. F. 1276, op. 1, d. 35, l. 24. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive] (RGIA), St Petersburg, Russia.

freedom of activity, which led to the fact that some Orthodox believers converted to other confessions.¹⁹ The Orthodox Church, however, did not receive freedom and remained in its former dependence on the state. Certainly, the church leaders did not strive for separation of the church (financial considerations played a major role there), but they wanted to expand autonomy and receive greater independence while taking a privileged position lost after the Decree on Religious Tolerance.

In church circles, no effort was made to conceal dissatisfaction with the fact that the secular Duma considered church issues, not to mention the presence of clergymen of other faiths among the deputies (for example, in the parliament it happened that Catholic priests took part in solving the problems of the Orthodox Church). It is not surprising that, speaking in the Duma on March 12, 1912, V. Sabler said: "I have an idea that our church should be completely outside the yoke of legislative institutions."²⁰

To this was added dissatisfaction with the "anti-church" policy of the Third Duma (decision to transfer parochial schools to the state ownership, projects to expand the rights of Old Believers, "disregard" for the affairs of the Orthodox Church, etc.). Speaking in the parliament on behalf of the clergy on June 9, 1912, priest N. Gepetsky described the policy of the Duma majority (primarily Octobrists) as "the campaign of 'constitutionalists' against Orthodoxy," "destruction of church institutions," and "terrible attacks and mockery" of the Church, as a result of which "all the clergy were offended and insulted." It was followed by a natural appeal to the clergy to actively participate in the upcoming election campaign, "to elect to the Duma those persons who sincerely believe and honor the Holy Church."²¹

The clergy sought to influence the solution of their problems through the Duma. A correspondent of the *Utro Rossii* newspaper stated:

The Synod sees the participation of the clergy in elections as a matter for the church and wants to have a cohesive group of clergymen in the Fourth Duma to support a number of projects related to the reorganization of the church court, for example, a church parish, providing for the clergy, a secondary church school, etc.²²

---

¹⁹ 308,758 Orthodox people changed their religion in the period between April 17, 1905 and January 1, 1909 (Safonov, *The State and Confessions*, 178).

²⁰ D.V. Filosofov, "Church Affairs" [in Russian], in *The 1913 Yearbook of the Rech Newspaper* (St Petersburg: Izdanie redaktsii gazety "Rech", 1913), 343.

²¹ Yu.I. Kir'yanov, comp., *The Right-Wing Parties. 1905–1907. Documents and Materials* [in Russian], vol. 2 (Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 1998), 257–58.

²² "Participation of Clergy in the Elections" [in Russian], *Utro Rossii*, no. 79, April 5, 1912, 4.

Undoubtedly, the church leaders could not help thinking about radical issues, such as the restoration of conciliarity, the convocation of the Local Council, the election of a patriarch, the restructuring of relations between church and state. Although it was obvious that the decision on those issues depended primarily on the emperor, it would be beneficial to have parliamentary support.

Therefore, the Orthodox Church actively participated in the elections not only as a government resource, but it also acted in its own interests. A special election management bureau was established at the Synod; special diocesan committees were organized locally to monitor the turnout of priests in elections, to instruct who to vote for, etc. Priests were not allowed to nominate their candidates to the Duma without the permission of bishops. Special measures were taken to prevent politically unreliable priests from participating the elections. According to the press, the Synod sent to the dioceses

the requests on the activities of the clergy during the upcoming elections, whether the clergy are united, whether there are priests cooperating with the so-called progressive parties, which is completely unacceptable.²³

The Synod's concern about the "unreliable" priests was reasonable. At the meeting of the Central Committee of the Cadet party on June 11, 1912, There was a mention of "progressive priests"²⁴ who had made attempts to participate in the elections in Vyatka and Perm;²⁵ the request of the progressive faction to the Fourth Duma stated that the bishop in Orel Governorate had prohibited two clergymen from participating in the elections, as "they were suspected of progressivism";²⁶ despite all preventive measures, a left-wing priest was elected in Vologda Governorate.²⁷ Therefore, church leaders took administrative measures to tightly control the elections. Synodal officials headed by the official on special assignments under Chief Procurator Prince I. Shakhovsky were sent to the dioceses. By mid-

---

²³ Fita, "Chief Procurator's Hosts" [in Russian], *Tserkov'. Staroobryadcheskii tserkovno-obshchestvennyi zhurnal*, no. 31 (1912): 741.

²⁴ As the unlegalized parties were not allowed to use their names in election campaign, all supporters of opposition parties called themselves progressists.

²⁵ V.V. Shelokhaev, ed., *Protocols of the Central Committee and Foreign Groups of the Constitutional Democratic Party* [in Russian], vol. 2 (Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 1997), 63.

²⁶ *The Progressive Faction's Request and Speeches on the Elections to the Fourth State Duma* [in Russian] (Moscow: Tipografiya I.V. Leont'eva, 1913), 12.

²⁷ A.N. Egorov, "The Authorities and Society in the Elections to the Fourth State Duma (Based on the Materials of Vologda Governorate)," *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 7, no. 3 (2023): 933–34, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-3-4>; EDN: TMVHKM

August 1912, the diocesan authorities had identified 93 clergy candidates for the Duma, including 19 bishops.²⁸

The pre-election activities performed by the church attracted public attention and aroused a negative reaction. There were rumors in the press about the desire of the authorities and the church to introduce from 150 to 180 priests to the Duma; there were fears that relying on the support of the right-wing clergy, the authorities would turn the Duma into a quasi-legislative body. The moderate rightists and the Octobrists did not want to lose their votes in the landowner curia. A campaign against the participation of clergy in the elections was launched in the press of all ideologies (except for the extreme right wing). Typical headlines about the role of the church in the election campaign were such as “The Last Mainstay” or “The Last Trump Card.” At one of the pre-election meetings Aleksandr I. Guchkov spoke with irritation about the mobilization of priests:

There are known facts of the existence of the lists of clergy leadership compiled in advance. In short, it is desirable for someone to put a label on the Fourth Duma: “Authorized by His Excellency the Governor and blessed by His Eminence.”²⁹

The government was also afraid of a dramatic increase in the church’s political influence, and for a good reason. The authorities were not going to encourage clericalism, although some left-wing publicists accused them of that. In 1908, Chief Procurator of the Holy Synod P. Izvolsky reported, “The Church rulers *meant* the canonical system not as its internal self-activity but as a new form of power.” He pointed out that the church hierarchy had taken the path of interference in state affairs.

This clerical-political agitation must now be put to end. We must remind the church that there is the only power and that everything in the state must obey this power.³⁰

Certainly, we cannot accuse all clergymen of theocratic ideology, but some bishops shared such ideas.

After the Decree on Religious Tolerance was adopted on April 17, 1905, the government turned to expanding religious freedoms for various confessions. That

---

²⁸ Dyakin, *Bourgeoisie, Nobility, and Tsarism*, 67.

²⁹ V.V. Shelokhaev, ed., *The Party “Union of October 17.” Minutes of Congresses, Conferences, and Central Committee Meetings* [in Russian], vol. 2 (Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2000), 376.

³⁰ Cited in Firsov, *The Russian Church on the Eve of Change*, 393–94.

could not but lead to an aggravation of the conflict with the Orthodox Church, which was reasonably afraid of losing its privileged position. In December 1907, in a letter to P. Izvolsky, Pyotr A. Stolypin stated:

In fact, not only does the Synod completely forget the October 17 Manifesto on freedom of conscience, but it also runs counter to the grounds of the April 17 Manifesto on religious tolerance.³¹

At the same time, the Prime Minister was not going to put the contradictions with the church on public display, emphasizing in the same letter, “In the Duma, we will not speak out against the Synod.”³²

The authorities could not accept the too close rapprochement of the politically active clergy with the extreme right-wing circles, which supported Dubrovin’s ideology³³ and denied some ideas (already not so significant) of constitutionalism and parliamentarism during the Duma monarchy.³⁴ The right-wing clergy repeatedly called for the Duma to be made more deliberative, if not abolished altogether, and for the representation of priests to be increased, etc. For example, Nikon (Rozhdestvensky), the archbishop of Vologda and Totma, reasoned on the eve of the Duma elections:

We do not know whether the electoral law will be changed again, or whether measures will be taken to enforce this law more carefully by means of explanations, as it was recently done in relation to the Jews; we know only that our Tsar is the supreme lawmaker, and no one dares to deprive Him of the right not only to change but also to repeal laws if He sees it as a blessing. He may even repeal the Duma laws altogether, as He is the one who has made these laws. And if He finds that the laws do not serve the good of His people, who will dare to forbid Him to repeal them?³⁵

---

³¹ P.A. Stolypin. *Correspondence* [in Russian], ed. P.A. Pozhigailo (Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2004), 185.

³² P.A. Stolypin. *Correspondence*, 185.

³³ *Dubrovintsy* or Dubrovin followers was the name of the supporters of the Orthodox Monarchist party called All-Russian Dubrovin Union of the Russian People.

³⁴ It should be noted that none of the *Dubrovintsy* was elected to the Fourth State Duma due to the non-public ban of the authorities. For more information about the relationship between the *Dubrovintsy* and the authorities, see A.A. Ivanov, *Right-Wing Parties of the Russian Empire* [in Russian] (St Petersburg: Vladimir Dal', 2024), EDN: BECHGH

³⁵ Archbishop Nikon, *My Diaries*, vol. 3, 1912 [in Russian] (Sergiyev Posad: Tipografiya Svyato-Troitskoi Sergievoi Lavry, 1915), 119.

In April, 1912, Alexis (Molchanov), the bishop of Pskov and Porkhov, appealed to the clergy advising them against joining the groups with any political force but for forming their own party based on the ideals of monarchy.³⁶

Dmitrii V. Filosofov, a prominent religious and public figure, wrote on this issue:

The old regime seems to the church much more natural than the new one, much more religious, and therefore the church does not and cannot have any energy to reorganize itself in accordance with the new regime. And so, every time when the government seeks support from the church in its conservative aspirations, it awakens in the church the restorative rather than conservative aspirations. The church is ready to obey because obedience is the foundation of the Russian religious hierarchy. But if the church is addressed not for obedience but for active participation in the political life of the country, it immediately, and quite naturally, unfurls the banner of restoration. In this sense, the Russian government, sincerely accepting the new order, makes the greatest mistake in introducing the church into politics. The situation is further aggravated by the fact that even within the old order, the church has its own long-standing and very strong disputes with the secular authorities, mainly with the Chief Procurator's department.³⁷

Many churchmen supported the "restoration" policy, which irritated the moderate rightists whose support the authorities urgently needed. Thus, Perm Governor I. Koshko, noted:

When Sabler took over the Synod, the clergy started to take part in politics, acting for the benefit of the extremely reactionary Black Hundred group, which, obviously, was encouraged by the Synod leader. It is said that when bishops came to Petrograd, they talked with Sabler about activities of the local authorities rather than the spiritual issues of their dioceses and they discussed how those activities corresponded to the expectations of Dubrovin and his associates. For example, if a governor refused to join the Union of the Russian People and did not agree to be the chairman of the local department, he was immediately taken unreliable and was considered an enemy of the Orthodox Church.³⁸

It is not surprising that when analyzing the position of "reactionary demagogic Orthodox clericalism," liberal author A. Izgoev noted:

---

³⁶ "The Synod's Agitation" [in Russian], *Utro Rossii*, no. 90, April 18, 1912, 3.

³⁷ Filosofov, "Church Affairs," 336.

³⁸ I.F. Koshko, *The Governor's Memoirs. Perm (1911–1914)* [in Russian], comp. N.G. Pavlovskii (Yekaterinburg: Demidovskii institut, 2007), 90.

The demagogic activity of the clergy may meet with the sympathy of the masses but it is unlikely to enjoy the support of the Government.³⁹

The government found itself in a difficult situation. On the one hand, there seemed to be no alternative to using the “selected” voices of the clergy; on the other hand, there was a need to restrain the demands of the Church. Therefore, relying on the support of Nicholas II, the government took measures to prevent the election of more priests than there were in the Third Duma.⁴⁰ On August 17, 1912, Minister of Internal Affairs A. Makarov sent a circular telegram to the governors explaining that “the current number of clergy in the Third Duma should be considered the maximum” and that its increase “was completely undesirable.”⁴¹

Local authorities had the necessary instruments to impact the Church. The majority of the priests took part in elections at congresses of small landowners with an extremely low voter turnout, which did not exceed the national average of 10%.⁴² Under such conditions, the priests attracted by the Synod were guaranteed to get a majority of votes at the congresses of small landowners, and they could involve only their own electors regardless of the opinion of moderate rightists. As a result, the clergy could get too many electors in the governorate electoral assembly and significantly increase their number in the Duma. To avoid such situation, the local authorities started to group the priests in special preliminary congresses of church leaders within the landowning curia.⁴³ However, it was possible only if the authorities were sure of a favorable result of the elections for this curia without the “selected” votes of the clergy. It was done in 245 uyezds out of 330, for which orders to convene preliminary congresses were published before September 11, 1912. Nevertheless, the role of the clergy remained very significant: in

³⁹ A.S. Izgoev, “Before the Elections” [in Russian], *Russkaya mysl'*, no. 4 (1912): 3.

⁴⁰ On the eve of the elections, Nicholas II publicly supported the government’s restrictive measures against the church at a meeting with representatives of the Permanent Council of the United Nobility (Solov'ev, *Legislative and Executive Power in Russia*, 357).

⁴¹ “Perepiska s gubernatorami i tsirkulyary poslednikh v svyazi s provedeniem vyborov v Gosudarstvennuyu dumu” [Correspondence with governors and their circular letters regarding the State Duma elections]. F. 1327, op. 2, d. 247, ll. 43–44. RGIA.

⁴² O.G. Malysheva, *Electoral System and Practice of Russia during the Duma Monarchy of 1905–1917* [in Russian] (Moscow: Kvadriga, 2018), 179, EDN: ZBBBJJ

⁴³ In such a way, even if the turnout at the elections was extremely low, the secular small landowners could certainly elect their representatives to the pool of electors without the participation of the clergy, which limited the number of priests in the governorate electoral assembly.

47 governorates with church's land ownership, 7,162 priests out of 8,764 (81%) were elected at congresses of small landowners.⁴⁴

The church leaders openly expressed their dissatisfaction with the government's restrictive measures. At the end of August 1912, the Synod election bureau spoke out in the press against the grouping of the clergy into a separate curia, claiming that the clergy should go "hand in hand with all voters."⁴⁵ Let us note that after the election V. Sabler said in an interview with the press that the government "had thrown a wrench into all his works." He believed that "if the priests had not been grouped into a separate curia, the election results would have been completely different."⁴⁶

The grouping of the clergy into separate congresses served other purposes as well. Firstly, the votes of priests were controlled more carefully, which was important in secret voting. Secondly, it was possible to relieve the contradictions that constantly arose at different stages of elections with secular moderate-right voters at least at the level of the congress of small landowners. So, 11 landowners and 25 priests came to the congress of landowners of Kadnikov Uyezd of Vologda Governorate. This enraged A. Korolev, one of the secular voters. He found his presence at the congress pointless, asked to mark him as retired, and left the meeting hall. After him, four other landowners defiantly left the congress.⁴⁷ At a conference of the Cadet party in February 1913, a representative from Voronezh said that

in Borovsk Uyezd, only priests were elected at the congress of large landowners and priests. The nobles did not stand for the election but arranged so that the elections were canceled and at the next election they explained to the clergy that no more than 2 priests could be elected. The situation was the same in Zadonsk Uyezd, where the number of priests turned out to be one person more than that of nobles. At the pre-election meeting, the mutual bitterness of these two groups was expressed even in rude swearing. . .⁴⁸

---

⁴⁴ Ya. L., "Elections" [in Russian], in *The 1913 Yearbook of the Rech Newspaper* (St Petersburg: Izdanie redaktsii gazety "Rech", 1913), 218.

⁴⁵ "Synod on the Clergy's Elective Tactics" [in Russian], *Utro Rossii*, no. 199, August 29, 1912, 3.

⁴⁶ "Near the Parliament" [in Russian], *Utro Rossii*, no. 271, November 24, 1912, 3.

⁴⁷ A.N. Egorov, "Elections to the State Dumas of the Russian Empire in Vologda Governorate: Regional Features" [in Russian], in *Tauride Readings 2015. Current Problems of Parliamentarism: History and Modernity: Proceedings of the International Scientific Conference (St Petersburg, December 10–11, 2015): A Collection of Scientific Articles*, pt. 1, ed. A.B. Nikolaev (St Petersburg: ElekSis, 2016), 87.

⁴⁸ V.V. Shelokhaev, ed., *Congresses and Conferences of the Constitutional Democratic Party* [in Russian], vol. 2 (Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2000), 400.

An official from Tver described the similar situation and noted that the administration together with the clergy had embittered the nobles with their behavior. As a result, the electoral contest started not between the rightists and the leftists, as it usually happens, but among the rightists:

the clergy could not nominate any deputy because the nobles did their best to prevent priests from winning.⁴⁹

The government was not going to strengthen the political role of the church in the future Duma. It can be proved by the fact that an attempt to create a separate faction of priests failed. The right-wing church press promoted that idea in every possible way. For example, the Black Hundred's newspaper *Kolokol* wrote:

A priest is always a priest, a pastor of the church; and therefore, even in the State Duma before submitting his vote to one side or another, every deputy representing the church must necessarily ask the question whether this decision will be beneficial or harmful for the church. And his vote must depend *only on the answer* to this question of his priestly conscience. . . We should act so that in the Fourth State Duma. . . the clergy represented a determined and united army. . . headed by a hierarchy.⁵⁰

Metropolitan Eulogius (Georgievsky), one of the most respected members of the Third Duma, was nominated as a parliamentary leader. On the eve of the elections, V. Sabler offered him to head a future separate faction of priests, but Eulogius refused, saying that it would incur terrible damage to the church:

Russia has nothing to do with clericalism, and such a phenomenon as the "national Catholic center" party. . . would be alien to our people. . . , by isolating the clergy from the people, we will make them odious, it will seem that "the priests have infiltrated into the Duma" . . . The clergy in all parties must work according to their conscience. It is more important if they would be present in all political parties and defend the church's views there.⁵¹

This point of view cost Eulogius a post in parliament: the Synod had not allowed him to be nominated. In the Fourth Duma, Sabler could have found obedient hierarchs and reached an agreement with them, but a separate faction of the clergy

---

⁴⁹ Shelokhaev, *Congresses and Conferences*, 401.

⁵⁰ Cited in Fita, "Chief Procurator's Hosts," 742.

⁵¹ Evlogii (Georgievskii), *The Path of My Life: Memoirs of Metropolitan Eulogius (Georgievskii), Recorded by T. Manukhina Based on His Stories* [in Russian] (Moscow: Moskovskii rabochii; VPMD, 1994), 213.

was never created, which might be explained by the position of the supreme authorities.

To understand this position, it is worth referring to the arguments of the informed press:

It is quite natural that the supposed “church faction” will not dare to breathe, let alone vote, without the bishop’s order. But we should not also forget that the bishops are completely subordinate to the Chief Procurator of the Holy Synod. . . Thus, the State Duma will not have a clerical, or episcopal, or “church” faction, but it will just get an obedient and voiceless chief procurator’s hosts headed by a bishop who does not dare to disobey the Chief Procurator’s commands. If the number of votes is 40–50 and if one party does not have an absolute majority in the Duma, any draft law can be rejected by the votes of the “synodal faction,” and the State Duma will have to respect the ideas proposed by the Chief Procurator of the Holy Synod.⁵²

Obviously, the government did not want to depend upon the Synod’s stance in the Duma, especially given the existing contradictions with it.⁵³ The distribution of the selected priests among several right-wing factions was much more preferable, as it created an opportunity for political maneuvering. This resulted in a non-public prohibition of the creation of a “church” faction, which V. Sabler did not dare to violate.

The reaction of priests to the pre-election manipulations of the authorities was contradictory. Observing the election process, S. Bulgakov identified three categories of electors from among the clergy. Some of them did not realize the ambiguity of their position and they were “blinded by the imaginary role that was assigned to them”; others were “captured by ‘right-wing’ politicking”; and there were those who “acted under the influence of fear and against conscience, and they

---

⁵² Fita, “Chief Procurator’s Hosts,” 743.

⁵³ For example, in March 1912, V. Sabler submitted a draft of the “Regulations on the Orthodox Parish” to the Council of Ministers, but the draft contradicted the government’s plans for this crucial issue in church life. So, already in April, the highest government officials (State Secretary S. Kryzhanovskii, Minister of Justice I. Shcheglovitov, Minister of Public Education L. Kasso and Minister of the Interior A. Makarov) strongly opposed the draft and Sabler was forced to withdraw it. In such a situation, it would be politically reckless to give the Chief Procurator a powerful tool to influence the government through the “church” faction in parliament. (See A.L. Beglov, *The Orthodox Parish during the Decline of the Russian Empire: Status, Discussions, Reform* [in Russian] (Moscow: Indrik, 2021), 719–23).

were aware of this, and they were ashamed and tormented – for them it was certainly a bitter lesson of political education.”⁵⁴

According to contemporaries, most priests disapproved the fact of being used by the authorities in elections. A Saratov Octobrist wrote to A. Guchkov in September 1912:

Most clergymen are insulted by the role imposed on them as well as by the grouping into a separate congress to select their representatives. Because of restrictions (on voting for the one they consider necessary. – A. E.) and control, the clergy cannot express their independence that would be completely available to them in a common electoral congress.⁵⁵

I. Gurko, a prominent statesman and associate of P. Stolypin, wrote:

I remember a remarkable scene that took place during this election. When I stood at the bottom of the front staircase of the Hall of the Nobility, I saw the whole group of clergy electors descending.

“Well, fathers,” I said to them, “this is what you’ve come to after you’ve been turned into a herd shepherded by some official.”

“It’s not our fault,” they said aloud, almost grinding their teeth in anger, “It’s all damned Petersburg.”⁵⁶

As for the figures, the election results met the government’s expectations. The number of priests among the electors from the landowning curia was 771 out of 2,365 (32.6%), which was much more than in the 1907 (533 electors).⁵⁷ In governorate electoral assemblies, the total number of clergy electors reached 14.5%. As a result, 47 priests out of 442 deputies were elected to the Duma (10.6%). At the same time, despite all the efforts of the Synod, political unity among them was not achieved. The distribution of clergy by faction was as follows: 21 rightists, 19 nationalists and moderate rightists, 2 representatives from center faction, 2 Octobrists, 3 progressists.⁵⁸

---

⁵⁴ S.N. Bulgakov, “At the Elections (From the Diary)” [in Russian], *Russkaya mysl'*, no. 11 (1912): 188.

⁵⁵ K.A. Solov'ev, comp., *Representative Institutions of the Russian Empire in 1906–1917: Materials of Perilustration by the Police Department* [in Russian] (Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2014), 278.

⁵⁶ V.I. Gurko, *Features and Images of the Past: The Government and the Public in the Reign of Nicholas II as Portrayed by a Contemporary* [in Russian] (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2000), 625.

⁵⁷ Miller, and Solov'ev, *The Russian Empire between Reforms and the Revolution*, 81.

⁵⁸ Dyakin, *Bourgeoisie, Nobility, and Tsarism*, 67.

Conclusion

Thus, the Orthodox Church took an active part in the elections to the Fourth State Duma. It acted not just under the instruction of secular authorities but also in compliance with its own interests. However, with consent of Nicholas II, the government did not allow the clergy to play their own game. The authorities clearly showed the church their attitude towards it as an administrative resource necessary for solving political problems. S. Bulgakov emphasized:

Making the clergy a tool for electing government candidates is a satanic idea and its consequences will be countless.⁵⁹

D. Filosofov expressed the same idea:

The attempt to involve the clergy in the elections was not successful in terms of achieving the desired goals of the church; moreover, it caused direct and irreparable damage to the white clergy, who lost their credit with the public.⁶⁰

The policy of the authorities caused dissatisfaction of many priests, who understood that the government used them as powerless extras without carrying out any significant church reforms. Not only progressive-minded priests are meant here but also the conservatives who did not accept the policy of expanding religious freedoms for various confessions that was clearly outlined after the Decree on Religious Tolerance dated April 17, 1905. Later, the Provisional Government will continue this course more consistently, which will cause a serious conflict between the Orthodox Church and the new government.⁶¹ But the roots of that conflict date back to the time of the Duma monarchy.

So, the elections to the Fourth State Duma resulted in the growing estrangement between the church and the government. According to the present-day historiography, on the eve of the revolutionary upheavals of 1917,

in one way or another, most of the churchmen expressed their opposition to the existing order. Among them were highest hierarchs, professors of theological institutions, and ordinary priests and churchmen.⁶²

---

⁵⁹ S.N. Bulgakov, "At the Elections (From the Diary)" [in Russian], *Russkaya mysl'*, no. 11 (1912): 189.

⁶⁰ Filosofov, "Church Affairs," 345.

⁶¹ See A.N. Egorov, "Minister of Confessions A.V. Kartashev and Confessional Policy of the Provisional Government," *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 5, no. 3 (2021): 843–85, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-3-5>, EDN: CTRUBI

⁶² P.G. Rogoznyi, *Orthodox Church and the Russian Revolution. Essays on History. 1917–1920* [in Russian] (Moscow: Ves' mir, 2018), 25, EDN: OHZLRW

It is absolutely natural that the Orthodox Church did not give any support to the monarchy during the days of the February Revolution.

Список литературы

- Аврех А.Я.* Царизм и IV Дума (1912–1914). Москва: Наука, 1981. 294 с.
- Беглов А.Л.* Православный приход на закате Российской империи: состояние, дискуссии, реформы. Москва: Индрик, 2021. 1048 с.
- Вишневски Э.* Либеральная оппозиция в России накануне первой мировой войны. Москва: Россия молодая, 1993. 192 с.
- Дякин В.С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьей и четвертой думской системы. Ленинград: Наука, 1988. 230 с. EDN: YVJDYF
- Егоров А.Н.* Власть и общество на выборах в IV Государственную думу (по материалам Вологодской губернии) // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 3. С. 911–964. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-3-4>; EDN: TMVHKM
- Егоров А.Н.* Выборы в Государственные думы Российской империи в Вологодской губернии: региональные особенности // *Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 10–11 декабря 2015 г.): сборник научных статей: в 2 ч. / под редакцией А.Б. Николаева.* Санкт-Петербург: ЭлекСис, 2016. Ч. 1. С. 85–93. EDN: YORJIZ
- Егоров А.Н.* Министр исповеданий А.В. Карташев и конфессиональная политика Временного правительства // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2021. Т. 5, № 3. С. 843–885. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-3-5>; EDN: CTRUBI
- Иванов А.А.* Правые партии Российской империи. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2024. 735 с. EDN: BECHGN
- Малышева О.Г.* Избирательная система и практика России в период думской монархии 1905–1917. Москва: Квадрига, 2018. 238 с. EDN: ZBBBJJ
- Рогозный П.Г.* Православная церковь и Русская революция. Очерки истории. 1917–1920. Москва: Весь мир, 2018. 304 с. EDN: OHZLRW
- Рожков В., протоиерей.* Церковные вопросы в Государственной Думе. Москва: Издательство Крутицкого подворья, 2004. 560 с.
- Российская империя между реформами и революцией. 1906–1916 / под редакцией А.И. Миллера, К.А. Соловьева. Москва: Квадрига, 2021. 788 с.
- Сафонов А.А.* Государство и конфессии в позднеимперской России: правовые аспекты взаимоотношений. Москва: Проспект, 2023. 350 с. EDN: PVZHRH
- Соловьев К.А.* Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 511 с. EDN: RDVSRN
- Степанов С.А.* Черная сотня. Москва: Эксмо; Яуза, 2005. 544 с. EDN: QOWOKX
- Фирсов С.Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). Москва: Культурный центр «Духовная библиотека», 2002. 623 с. EDN: VIXJBR
- Фирсов С.Л.* Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II. Санкт-Петербург: Сатис, 2007. 460 с.

Фриз Г. «Губительное благочестие»: Российская церковь и падение империи / перевод с английского А. Глебовского, М. Долбиловой. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 352 с. EDN: WSLXMU

References

Avrekh, A.Ya. *Tsarizm i IV Duma (1912–1914)* [Tsarism and the Fourth Duma. 1912–1914]. Moscow: Nauka, 1981. (In Russian)

Beglov, A.L. *Pravoslavnyi prikhod na zakate Rossiiskoi imperii: sostoyanie, diskussii, reformy* [The Orthodox parish during the decline of the Russian Empire: Status, discussions, reform]. Moscow: Indrik, 2021. (In Russian)

Dyakin, V.S. *Burzhuziia, dvoryanstvo i tsarizm v 1911–1914 gg. Razlozhenie tret'eiyun'skoi sistemy* [Bourgeoisie, nobility, and tsarism in 1911–1914. Decomposition of the Third-of-June System]. Leningrad: Nauka, 1988. (in Russian)

Egorov, A.N. “Minister of Confessions A.V. Kartashev and Confessional Policy of the Provisional Government.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 5, no. 3 (2021): 843–85. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-3-5>; EDN: CTRUBI

Egorov, A.N. “The Authorities and Society in the Elections to the Fourth State Duma (Based on the Materials of Vologda Governorate).” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 7, no. 3 (2023): 911–64. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-3-4>; EDN: TMVHKM

Egorov, A.N. “Vybory v Gosudarstvennye dumy Rossiiskoi imperii v Vologodskoi gubernii: regional'nye osobennosti” [Elections to the State Dumas of the Russian Empire in Vologda Governorate: Regional features]. In *Tavrisheskie chteniya 2015. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost': materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 10–11 dekabrya 2015 g.): sbornik nauchnykh statei* [Tauride Readings 2015. Current problems of parliamentarism: History and modernity: Proceedings of the International scientific conference (St Petersburg, December 10–11, 2015)]: A collection of articles], 2 pts., edited by A.B. Nikolaev, pt. 1, 85–93. St Petersburg: ElekSis, 2016. EDN: YORJIZ (In Russian)

Firsov, S.L. *Russkaya Tserkov' nakanune peremen (konets 1890-kh – 1918 gg.)* [The Russian Church on the eve of change (the late 1890s – 1918)]. Moscow: Kul'turnyi tsentr “Dukhovnaya biblioteka”, 2002. EDN: VIXJBR (In Russian)

Firsov, S.L. *Tserkov' v Imperii. Ocherki iz tserkovnoi istorii epokhi Imperatora Nikolaya II* [The church in the empire. Essays on the church history of the era of Emperor Nicholas II]. St Petersburg: Satis, 2007. (In Russian)

Freeze, G. “*Gubitel'noe blagochestie*”: *Rossiiskaya tserkov' i padenie imperii* [“Subversive piety”: The Russian Church and the fall of the empire], translated from English by A. Glebovskii, and M. Dolbilova. St Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2019. (In Russian)

Ivanov, A.A. *Pravye partii Rossiiskoi imperii* [Right-wing parties of the Russian Empire]. St Petersburg: Vladimir Dal', 2024. (In Russian)

Malysheva, O.G. *Izbiratel'naya sistema i praktika Rossii v period dumskoi monarkhii 1905–1917* [Electoral system and practice of Russia during the Duma Monarchy of 1905–1917]. Moscow: Kvadriga, 2018. EDN: ZBBBJJ (In Russian)

Miller, A.I., and K.A. Solov'ev, eds. *Rossiiskaya imperiya mezhdu reformami i revolyutsiei. 1906–1916* [The Russian Empire between the reforms and the revolution. 1906–1916]. Moscow: Kvadriga, 2021. (In Russian)

Rogoznyi, P.G. *Pravoslavnaya tserkov' i Russkaya revolyutsiya. Ocherki istorii. 1917–1920* [Orthodox Church and the Russian Revolution. Essays on History. 1917–1920]. Moscow: Ves' mir, 2018. EDN: OHZLRW (In Russian)

Rozhkov V., Archpriest. *Tserkovnye voprosy v Gosudarstvennoi Dume* [Church issues in the State Duma]. Moscow: Izdatel'stvo Krutitskogo podvor'ya, 2004. (In Russian)

Safonov, A.A. *Gosudarstvo i konfessii v pozdneimperskoi Rossii: pravovye aspekty vzaimootnoshenii* [The state and confessions in late imperial Russia: Legal aspects of relations]. Moscow: Prospekt, 2023. EDN: PVZHRH (In Russian)

Solov'ev, K.A. *Zakonodatel'naya i ispolnitel'naya vlast' v Rossii: mekhanizmy vzaimodeistviya (1906–1914)* [Legislative and executive power in Russia: Interaction mechanisms (1906–1914)]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2011. EDN: RDVSRN (in Russian)

Stepanov, S.A. *Chernaya sotnya* [The Black Hundred]. Moscow: Eksmo; Yauza, 2005. EDN: QOWOKX (In Russian)

Vishnevski, E. *Liberal'naya oppositsiya v Rossii nakanune pervoi mirovoi voiny* [Liberal opposition in Russia on the eve of World War I]. Moscow: Rossiya molodaya, 1993. (In Russian)

Информация об авторе

Андрей Николаевич Егоров – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии, заместитель главного редактора журнала «*Historia provinciae* – журнал региональной истории», <https://orcid.org/0000-0002-1196-3748>, anegorov65@mail.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец, Россия).

Information about the author

Andrei N. Egorov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History and Philosophy, Deputy editor-in-chief of the journal *Historia Provinciae* – the Journal of Regional History, <https://orcid.org/0000-0002-1196-3748>, anegorov65@mail.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Статья поступила в редакцию 17.03.2026; одобрена после рецензирования 01.04.2026; принята к публикации 17.04.2026.

The article was submitted 17.03.2026; approved after reviewing 01.04.2026; accepted for publication 17.04.2026.